

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

Перевод

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ

статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса
(временное освобождение под судебный контроль [2])

(обращение № 196g/2019г.)

КИШИНЭУ

28 мая 2020 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

Именем Республики Молдова,
Конституционный суд в составе:

Домника МАНОЛЕ, *председатель*,
Эдуард АБАБЕЙ,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН,
Владимир ЦУРКАН, *судьи*,
при участии *помощника судьи*, Еуджениу Мыца,

принимая во внимание обращение,
зарегистрированное 1 ноября 2019 года,
рассмотрев указанное обращение в открытом заседании,
учитывая акты и материалы дела,
проведя обсуждение в совещательной комнате,

выносит следующее постановление:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Основанием для рассмотрения дела послужило обращение об исключительном случае неконституционности ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса, заявленном по инициативе судьи в суде Кишинэу, сектор Чокана, Виктора Санду, в деле № 17-262/19.

2. Обращение об исключительном случае неконституционности было направлено в Конституционный суд 1 ноября 2019 года, в порядке статьи 135 ч. (1) п. а) и п. g) Конституции.

3. Определением Конституционного суда от 9 декабря 2019 года, без вынесения решения по существу, обращение было признано приемлемым.

4. В ходе рассмотрения дела Конституционный суд затребовал мнения Парламента, Президента Республики Молдова, Правительства, Генеральной прокуратуры, Высшей судебной палаты и Института уголовных реформ.

5. В открытом заседании Конституционного суда обращение поддержал его автор, судья Виктор Санду. Парламент представлял Раду Раду, главный консультант службы представительства в Конституционном суде и правоохранительных органах общего юридического управления Секретариата Парламента. Правительство представлял Дорин Лишман, государственный секретарь Министерства юстиции.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОСНОВНОГО СПОРА

6. В производстве суда Кишинэу, сектор Чокана, находилось ходатайство прокурора Антикоррупционной прокуратуры, Надежды Бусуйок, о продлении меры пресечения временного освобождения под судебный контроль сроком на 60 дней в отношении Егора Евгения Боровских, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 243 ч. (3) п. b) Уголовного кодекса.

7. В обоснование ходатайства прокурор отметила, что существует риск того, что обвиняемый может скрыться от уголовного преследования и суда, и есть достаточно оснований полагать, что в случае применения другой меры пресечения обвиняемый может оказать воздействие на свидетелей или обвиняемых либо уничтожить доказательства, что создаст препятствия в разрешении дела и установлении истины.

8. В ходе открытого заседания от 22 октября 2019 года судья Виктор Санду по собственной инициативе заявил об исключительном случае неконституционности ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса, которая устанавливает, что временное освобождение под судебный контроль не предоставляется обвиняемому, подсудимому в случае, если имеются сведения о том, что он может совершить другое преступление либо попытается оказать воздействие на свидетелей, или уничтожить средства доказывания, или скрыться от органов уголовного преследования, прокурора или, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанции.

9. Определением от того же числа суд Кишинэу, сектор Чокана, направил обращение об исключительном случае неконституционности в Конституционный суд для его разрешения.

ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

10. Применимые положения Конституции:

Статья 23

Право каждого человека на знание своих прав и обязанностей

«[...]

(2) Государство обеспечивает право каждого человека на знание своих прав и обязанностей. С этой целью государство публикует все законы и другие нормативные акты и обеспечивает их доступность».

Статья 25

Право на свободу и личную неприкосновенность

«(1) Право на свободу и личную неприкосновенность ненаруσιμο.

[...]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

(4) Арест производится на основании выданного судьей ордера на срок не более 30 дней. Законность ордера может быть обжалована в соответствии с законом в вышестоящую судебную инстанцию. Срок ареста может быть продлен только судьей или судебной инстанцией в соответствии с законом не более чем до 12 месяцев.

[...]

(6) Освобождение задержанного или арестованного обязательно, если основания задержания или ареста отпали».

11. Применимые положения Уголовно-процессуального кодекса:

Статья 175

Понятие и виды мер пресечения

«(1) Мерами пресечения являются принудительные меры, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому для предотвращения совершения им определенных отрицательных действий, направленных против осуществления уголовного судопроизводства, безопасности и общественного порядка или против обеспечения исполнения приговора.

(2) Меры пресечения направлены на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства или воспрепятствование укрывательству подозреваемого, обвиняемого, подсудимого от уголовного преследования или суда, на то, чтобы указанные лица не помешали установлению истины, а также на обеспечение судебной инстанцией исполнения приговора.

(3) Мерами пресечения являются:

[...]

8) временное освобождение под судебный контроль;

[...]

11) предварительный арест.

(4) Домашний арест и предварительный арест могут применяться только к обвиняемому, подсудимому. [...]

(5) Временное освобождение под судебный контроль и временное освобождение под залог являются мерами пресечения, альтернативными аресту, и могут быть применены только к лицу, в отношении которого заявлено ходатайство об аресте, либо к обвиняемому, подсудимому, уже подвергнутому аресту».

Статья 176

Основания для применения мер пресечения

«(1) Меры пресечения могут применяться прокурором по собственной инициативе или по предложению органа уголовного преследования либо, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанцией лишь в случае, если имеются достаточные, подтвержденные доказательствами разумные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый может скрыться от органа уголовного

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

преследования или судебной инстанции, оказать давление на свидетелей, уничтожить либо повредить средства доказывания или другим способом воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления, или что его освобождение повлечет нарушение общественного порядка. Они также могут применяться судебной инстанцией для обеспечения исполнения приговора.

(2) Предварительный арест и альтернативные аресту меры применяются лишь по отношению к лицу, которое обвиняется или которому вменяется совершение преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет, и лишь в соответствии с условиями, предусмотренными настоящим кодексом.

(3) При разрешении вопроса о необходимости применения соответствующей меры пресечения прокурор и судебная инстанция в обязательном порядке оценивают и обосновывают соразмерность меры пресечения индивидуальным обстоятельствам уголовного дела, принимая во внимание наряду с прочим:

1) разумный характер подозрения, тяжесть и степень вреда, причиненного вменяемым деянием, оцененные в каждом индивидуальном случае, но без высказывания мнения о виновности;

2) личность и характеристику подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, в том числе в момент совершения вменяемых деяний;

3) возраст и состояние здоровья;

4) род занятий;

5) семейное положение и наличие иждивенцев;

6) материальное положение, доходы, владение недвижимым имуществом или иной собственностью;

7) наличие постоянного места жительства, постоянного или временного места работы;

8) другие существенные обстоятельства, представленные подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или прокурором, органом уголовного преследования.

(4) При отсутствии оснований для применения меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с него берется письменное обязательство являться по вызову органа уголовного преследования или судебной инстанции и сообщать им о перемене места жительства».

Статья 191

Временное освобождение под судебный контроль

«[...]

(2) Временное освобождение под судебный контроль не предоставляется обвиняемому, подсудимому в случае, если имеются сведения о том, что он может совершить другое преступление либо попытается оказать воздействие на свидетелей, или уничтожить средства доказывания, или скрыться от органов уголовного преследования, прокурора или, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанции.

[...]».

Статья 192

Временное освобождение под залог

«[...]

(2) Временное освобождение под залог не применяется в случаях, предусмотренных частью (2) статьи 191.

[...]».

ВОПРОСЫ ПРАВА

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

12. Определением от 9 декабря 2019 года Конституционный суд подтвердил соблюдение в настоящем деле установленных его неизменной практикой требований приемлемости обращения об исключительном случае неконституционности.

13. Конституционный суд отметил, что предметом обращения является ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса. Контроль конституционности данного вида нормативных актов относится к его компетенции *ratione materiae*, в соответствии со статьей 135 ч. (1) п. а) Конституции.

14. Исключительный случай неконституционности был заявлен в рамках дела, предметом рассмотрения которого является ходатайство о продлении меры пресечения в виде временного освобождения под судебный контроль. Следовательно, оспариваемая норма была применена при рассмотрении данного дела. Однако, если бы Конституционный суд не осуществил контроль конституционности, обращение об исключительном случае неконституционности было бы лишено эффективности. Конституционный суд подтверждает свою компетенцию в рассмотрении оспариваемых положений, учитывая особый характер мер пресечения, невозможность приостановления процедуры их рассмотрения, а также оперативность рассмотрения этой категории дел.

15. Кроме того, исключительный случай неконституционности был заявлен по инициативе судьи Виктора Санду в деле № 17-262/19, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Чокана. Так, обращение подано субъектом, наделенным данным правом, в соответствии со статьей 135 ч. (1) п. а) и п. г) Конституции, в свете ее толкования Постановлением Конституционного суда № 2 от 9 февраля 2016 года.

16. Конституционный суд отмечает, что статья 191 Уголовно-процессуального кодекса ранее составляла предмет контроля конституционности, но доводы о неконституционности относились лишь к сроку временного освобождения под судебный контроль, который может быть применен судебной инстанцией (ПКС № 17 от 19 мая 2016 года).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

17. Так, Конституционный суд отмечает, что не существует ранее принятых им решений о конституционности положений ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса с точки зрения предсказуемости условий применения меры временного освобождения под судебный контроль.

18. Чтобы признать обращение приемлемым, Конституционный суд должен также установить действие гарантированных Конституцией прав, на которые ссылается автор.

19. Конституционный суд отмечает, что в поддержку своих доводов о неконституционности автор обращения ссылается на нарушение статей 4, 7, 8, 16, 20, 21, 23, 26 и 54 Конституции.

20. Что касается доводов о неконституционности оспариваемых положений по отношению к статьям 4, 7 и 8 Конституции, Конституционный суд подчеркивал, что указанные конституционные нормы носят общий и обязательный характер и не могут служить в качестве отдельных и индивидуальных оснований. Они могут применяться только если установлено действие одного из основных прав Конституции (см. ОКС № 65 от 12 октября 2016 года, § 16; ПКС № 3 от 18 января 2019 года, § 18; ПКС № 19 от 24 сентября 2019 года, § 16; ПКС № 29 от 12 декабря 2019 года, § 19).

21. Относительно предполагаемого нарушения статьи 16 Конституции, Конституционный суд отмечает, что автор обращения не указал, какова значимость и уместность этой статьи в данном деле. Так, автор не обосновал предполагаемое несоответствие оспариваемых положений приведенным конституционным нормам и не доказал наличие противоречий между ними. В этом аспекте, Конституционный суд отмечает, что простое перечисление конституционных положений не может считаться истинными доводами о неконституционности (ОКС № 44 от 22 мая 2017 года, § 19; ОКС № 30 от 29 марта 2018 года, § 22; ОКС № 102 от 3 октября 2019 года, § 17; ОКС № 5 от 20 января 2020 года, § 20; ОКС № 33 от 19 марта 2020 года, § 31).

22. Кроме того, Конституционный суд считает, что доводы о нарушении статей 20 и 26 Конституции не обоснованы, поскольку оспариваемые положения не ограничивают возможность обжалования определения о применении или отмене меры временного освобождения под судебный контроль и не запрещают обвиняемому пользоваться помощью избранного защитника, а если он не располагает необходимыми средствами для оплаты услуг защитника, получить бесплатную помощь назначенного адвоката.

23. Что касается предполагаемого нарушения статьи 21 Конституции, Конституционный суд отметил, что оспариваемые положения не нарушают презумпцию невиновности, поскольку решение о временном освобождении под судебный контроль относится не к рассмотрению дела по существу, а к применению меры пресечения, обеспечивающей надлежащее ведение уголовного процесса.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

24. По вопросу о соблюдении статьи 54 Конституции, Конституционный суд напоминает, что мера временного освобождения под судебный контроль предусмотрена законом, а именно статьей 191 Уголовно-процессуального кодекса, необходима для защиты правовых ценностей и преследует законную цель по обеспечению надлежащего осуществления уголовного процесса (ПКС № 17 от 19 мая 2016 года, § 64). Таким образом, Конституционный суд не установил действие статьи 54 в рассматриваемом деле.

25. Конституционный суд отметил, что статья 23 ч. (2) Конституции [которая устанавливает условия качества закона, то есть доступность и предсказуемость] не имеет самостоятельного значения. Для ее применения автор обращения должен доказать наличие вмешательства в основные права, гарантированные Конституцией (ПКС № 29 от 12 декабря 2019 года, § 19; ОКС № 19 от 13 февраля 2020 года, § 16).

26. Поскольку Конституционный суд свободен в определении пределов своей компетенции, при рассмотрении конституционности законодательного положения он не ограничивается конституционными нормами, приведенными автором обращения, а может их рассматривать и в свете других конституционных положений, имеющих отношение к разрешению дела, важными оставаясь приведенные в связи с этим доводы (см. ПКС № 12 от 7 мая 2020 года, § 48; ПКС № 2 от 23 января 2020 года, § 27; ПКС № 7 от 26 апреля 2018 года, § 23; ПКС № 15 от 22 мая 2018 года, § 24; ПКС № 20 от 4 июля 2018 года, § 47). В этом аспекте, автор обращения утверждает, что непредсказуемость оспариваемых положений обуславливает применение ареста, а не временного освобождения под судебный контроль. Так, Конституционный суд считает, что в данном случае действует статья 25 Конституции, гарантирующая право лица на свободу.

27. Конституционный суд отметил, что предполагаемое несоответствие между статьями 176 ч. (1) и 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса по отношению к статьям 23 ч. (2) и 25 Конституции требует рассмотрения дела по существу.

28. Установив действие основного права о личной свободе, при рассмотрении дела по существу Конституционному суду надлежит проверить, соответствуют ли оспариваемые положения требованиям качества закона в свете статей 23 ч. (2) и 25 Конституции.

29. Таким образом, Конституционный суд признал обращение приемлемым и далее приступит к его рассмотрению по существу.

В. СУЩЕСТВО ДЕЛА

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 25 В СОЧЕТАНИИ С Ч. (2) СТАТЬИ 23
КОНСТИТУЦИИ

А. Аргументы автора обращения

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

30. Автор обращения об исключительном случае неконституционности утверждает, что оспариваемые положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса не отвечают требованиям качества закона, гарантированным статьей 23 ч. (2) Конституции.

31. Кроме того, автор обращения считает, что причины, лежащие в основе применения меры предварительного ареста, перечисленные в статье 176 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, совпадают с теми, которые исключают возможность применения альтернативной меры временного освобождения под судебный контроль, содержащиеся в статье 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса. Так, автор обращения считает, что несогласованность между этими двумя нормами заключается в том, что судья не сможет применить к обвиняемому меру временного освобождения под судебный контроль, поскольку, учитывая соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса, он должен применить арест.

В. Аргументы органов власти и организаций, представивших по запросу свое мнение

32. По мнению Парламента, ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса развивает положения ч. (1) статьи 176 того же кодекса. Так, если ч. (1) статьи 176 Уголовно-процессуального кодекса является общей нормой, устанавливающей условия применения в отношении всех мер пресечения, то ч. (2) статьи 191 относится только к условиям для временного освобождения из-под ареста под судебный контроль, как мера, альтернативная аресту. Исходя из этого, законодатель в первом случае использовал текст «если имеются достаточные, подтвержденные доказательствами разумные основания», а во втором случае текст «если имеются сведения». Кроме того, Парламент в своем письменном мнении отметил, что положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса соответствуют Конституции, а обращение может быть признано неприемлемым.

33. Правительство в своем мнении отметило, что ч. (1) статьи 176 Уголовно-процессуального кодекса является общей нормой по отношению к статье 191 того же кодекса, которая регулирует исключительно меру временного освобождения под судебный контроль. Следовательно, Правительство утверждает, что не согласно с доводами о нарушении статьи 23 Конституции, поскольку ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает исключение из общей нормы. Так, Правительство считает, что положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса не содержат элементов, затрагивающих конституционные положения, приведенные автором обращения.

34. Президент Республики Молдова отметил, что обращение об исключительном случае неконституционности касается вопросов правильного применения закона, а не вопросов конституционности.

35. В представленном Конституционному суду мнении Генеральная прокуратура отметила, что обращение относится к вопросам толкования и правильного применения закона и не содержит вопросов, касающихся конституционного права. Следовательно, Генеральная прокуратура считает, что обращение следует отклонить.

36. По мнению Института уголовных реформ, положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса противоречат положениям ч. (1) статьи 176 того же кодекса. Если статья 176 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса обуславливает применение меры пресечения наличием определенных рисков, то ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса запрещает применение меры пресечения в случае наличия тех же рисков. Эта проблема относится к предсказуемости закона.

37. Кроме того, Институт уголовных реформ отметил, что неясность статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса касается свободы и личной неприкосновенности лица, гарантированные статьей 25 Конституции. Положения статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса обязывают судебную инстанцию применять меру предварительного ареста, хотя общая норма ч. (1) статьи 176 того же кодекса предусматривает право применения любой меры пресечения. В этой ситуации нарушается презумпция свободы.

С. Оценка Конституционного суда

1. Общие принципы

1.1. Качество закона

38. Статья 23 ч. (2) Конституции требует от законодателя принятия доступных и предсказуемых законов.

39. Требование доступности подразумевает, что тексты закона должны быть доступны адресатам для ознакомления. Любое лицо должно иметь доступ к правовым нормам, применимым в конкретном случае (*Хлюстов против России*, 11 июля 2013 года, § 68). В частности, доступность закона предусматривает его опубликование в Официальном Мониторе Республики Молдова, в порядке статьи 76 Конституции и Закона № 173 от 6 июля 1994 года о порядке опубликования и вступления в силу официальных актов, с тем, чтобы лица, которым они предназначаются, имели возможность с ними ознакомиться. Так, относительно соблюдения условия доступности, Конституционный суд отмечает, что общественность имеет доступ к Уголовно-процессуальному кодексу, который опубликован в Официальном Мониторе.

40. В свою очередь, требование предсказуемости считается выполненным тогда, когда лицо – в случае необходимости, при надлежащей юридической помощи – может предусмотреть, в разумной для обстоятельств дела степени, последствия, к которым может привести

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

соответствующее поведение (*Berardi u Mularoni против Сан Марино*, 10 января 2019 года, § 40; *Ходорковский и Лебедев против России* [№ 2], 14 января 2020 года, § 570).

41. В то же время, Конституционный суд напоминает, что норма отвечает требованиям предсказуемости тогда, когда она предоставляет меры защиты от произвольного вмешательства со стороны публичных органов власти (*Centro Europa 7 S.r.l. u Di Stefano против Италии* [БП], 7 июня 2012 года, § 143, и *Хлюстов против России*, 11 июля 2013 года, § 70).

42. Кроме того, Конституционный суд подчеркивает, что закон, наделяющий публичные органы дискреционной властью, должен указывать ее пределы, хотя подлежащие соблюдению детальные процессы и условия могут не быть включены в норму материального права (*Хлюстов против России*, 11 июля 2013 года, § 70). Вместе с тем, дискреционная власть, которая не разграничена, даже если она формально подлежит судебному контролю, не проходит проверку на предсказуемость (ПКС № 28 от 23 ноября 2015 года, § 61; ПКС № 6 от 19 марта 2019 года, § 38).

43. При разработке нормативного акта законодатель должен соблюдать и принцип согласованности (см., *mutatis mutandis*, ПКС № 6 от 19 марта 2019 года, § 40).

44. Так, закон должен обеспечивать логическую правовую связь между содержащимися в нем положениями и не допускать законодательных параллелизмов, которые порождают неуверенность и правовую неопределенность. В процессе законотворчества запрещается устанавливать в статьях или частях одного и того же нормативного акта либо в двух или более нормативных актах одинаковые положения (ПКС №2 от 30 января 2018 года, § 45).

1.2. Свобода и личная неприкосновенность

45. Статья 25 Конституции гарантирует лицу право на свободу и личную неприкосновенность.

46. *Ad similes*, согласно статье 5 § 1 Европейской конвенции, любое лицо имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

47. Гарантируя «право на свободу», статья 5 § 1 Конвенции подразумевает физическую свободу лица (*Крянгэ против Румынии* [БП], 23 февраля 2012 года, § 84). Этот вывод действителен и в контексте статьи 25 Конституции.

48. Основная цель данных положений заключается в защите лица от произвольного или необоснованного лишения свободы (*McKeu против Соединенного Королевства* [БП], 3 октября 2006 года, § 30).

49. Однако право на свободу и личную неприкосновенность не является абсолютным. Так, статья 5 § 1 Европейской конвенции предусматривает случаи, в которых лицо может быть лишено свободы. В частности, пункт с) параграфа 1 данной статьи касается лишения свободы в рамках уголовного процесса, то есть арест или задержание лица для передачи его

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или в случае, если есть разумные основания полагать, что задержание необходимо для предотвращения совершения им преступления либо чтобы помешать ему скрыться после его совершения.

50. Обобщив практику Европейского суда в данной области, Конституционный суд в Постановлении № 3 от 23 февраля 2016 года установил, что основаниями для лишения свободы подозреваемого в совершении преступления является риск: 1) уклонения его от суда; 2) оказания негативного влияния на осуществление правосудия; 3) совершения других преступлений; 4) нарушения общественного порядка. Для применения предварительного ареста нет необходимости в существовании всех этих оснований, достаточно наличие лишь одного из них. Указанные риски должны быть подтверждены доказательствами, основанными на фактах (§§ 73, 93, 94).

51. Лицо может быть помещено под стражу только тогда, когда подозрения в совершении им преступления подтверждается наличием обоснованных причин. Такие же выводы изложены в Рекомендации №(2006)13 о применении содержания под стражей, об условиях, в которых оно должно осуществляться, и о мерах по предупреждению насилия, принятой Комитетом Министров Совета Европы 27 сентября 2006 года на 974-м заседании заместителей министров.

52. Применение ареста должно стать крайней меры (*ultima ratio*). В своей практике Конституционный суд установил, что свобода лица на стадии расследования является правилом. **Презумпция всегда действует в пользу освобождения (*pro libertate*)**. Арест – это исключительная мера, применяемая только в определенных случаях и только по определенным основаниям, которые должны быть отражены в конкретной и убедительной форме в решении принимающего ее органа (см. ПКС № 3 от 23 февраля 2016 года, § 64). Другими словами, при рассмотрении ходатайства об аресте лица судья по уголовному преследованию либо судебная инстанция обязаны в первую очередь рассмотреть целесообразность применения других мер пресечения, не связанных с лишением свободы, потом мер, альтернативных предварительному аресту, и отклонить ходатайство о применении ареста, если оно недостаточно обосновано либо изложенные причины не подтверждены доказательствами, указывающими на разумные основания его применения. Судебная инстанция может применить любую другую меру пресечения (ПКС № 27 от 30 октября 2018 года, § 69).

53. В то же время, любое лишение свободы не должно основываться только на одном из исключений, указанных в пунктах а)-f) статьи 5 § 1 Европейской конвенции, но должно быть еще и «законным». Когда обсуждается «законность» содержания под стражей, включая вопрос соблюдения «законных путей», Европейская конвенция делает ссылку на внутреннее законодательство. Она требует, чтобы любой арест или содержание под стражей в первую очередь было предусмотрено законом в

правовой системе государства (см. *Del Río Prada против Испании* [БП], 21 октября 2013 года, § 125).

2. Применение принципов в настоящем деле

54. Конституционный суд отмечает, что меры пресечения являются институтами процессуального права, носят принудительный характер и направлены на обеспечение надлежащего осуществления уголовного процесса. Они касаются состояния свободы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и ведут к лишению свободы либо ограничению свободы передвижения.

55. Конституционный суд отмечает, что, согласно ч. (3) статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса, мерами пресечения являются: 1) подписка о невыезде из местности; 2) подписка о невыезде из страны; 3) личное поручительство; 4) поручительство организации; 5) временное лишение водительских прав; 5¹) отстранение от управления транспортным средством; 6) передача военнослужащего под наблюдение; 7) передача несовершеннолетнего под присмотр; 8) временное освобождение под судебный контроль; 9) временное освобождение под залог; 10) домашний арест; 11) предварительный арест. В связи с этим, статья 176 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает основания для применения мер пресечения. В частности, часть (1) указанной статьи предусматривает, что **меры пресечения могут применяться** прокурором по собственной инициативе или по предложению органа уголовного преследования либо, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанцией лишь в случае, если имеются достаточные, подтвержденные доказательствами разумные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый может скрыться от органа уголовного преследования или судебной инстанции, оказать давление на свидетелей, уничтожить либо повредить средства доказывания или другим способом воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления, или что его освобождение повлечет нарушение общественного порядка. Они также могут применяться судебной инстанцией для обеспечения исполнения приговора.

56. Конституционный суд отмечает, что эта статья применима ко всем мерам пресечения. В зависимости от степени риска, характера преступления и достаточности доказательств может быть применена одна из мер пресечения, перечисленных в ч. (3) статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса. На субъекты, наделенные полномочиями по применению закона, возложена задача избрания меры, соразмерной преследуемой цели.

57. Вместе с тем, Конституционный суд отмечает, что, в соответствии с ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса, временное освобождение под судебный контроль **не предоставляется** обвиняемому, подсудимому в случае, если имеются сведения о том, что он может

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

совершить другое преступление либо попытается оказать воздействие на свидетелей, или уничтожить средства доказывания, или скрыться от органов уголовного преследования, прокурора или, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанции.

58. Конституционный суд заключает, что основания для применения временного освобождения под судебный контроль регулируются по-разному двумя положениями одного и того же нормативного акта. Как граждане, так и субъекты, обладающие полномочиями по применению Уголовно-процессуального кодекса, испытывают затруднения, будучи поставлены перед выбором между несколькими возможными вариантами.

59. Даже прибегнув к профессиональной консультации, лицо не смогло бы однозначно установить, под какую норму – статьи 176 ч. (1) или статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса – подпадает временное освобождение под судебный контроль. В случае применения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса лицо не может быть освобождено под судебный контроль, даже если риск совершения другого преступления, воздействия на свидетелей, уничтожения средств доказывания или уклонения от наказания был бы неопределенным или незначительным, и, следовательно, применение домашнего ареста или предварительного ареста будет несоразмерным.

60. В этом контексте, Европейский суд по правам человека отметил, что в случае мер, связанных с лишением свободы, особенно важным является соблюдение принципа правовой определенности и любое лишение свободы следует осуществлять «в соответствии с предусмотренной законом процедурой». Положения, которые порождают противоречивое толкование со стороны властей или являются взаимоисключаемыми, не отвечают требованиям «качества закона», предусмотренным Конвенцией (*Наструллоев против России*, 11 октября 2007 года, § 71, § 77).

61. Так, Конституционный суд заключает, что существует несоответствие между положениями ч. (1) статьи 176 Уголовно-процессуального кодекса (устанавливающими основания применения для всех мер пресечения) и положениями ч. (2) статьи 191 того же кодекса (относящиеся к условиям, когда временное освобождение под судебный контроль не может быть применено). Это нормативное несоответствие создает правовую неопределенность и затрагивает право лица на свободу и личную неприкосновенность.

62. Конституционный суд подчеркивает, что, в отсутствие ясных критериев и условий применения меры пресечения временного освобождения под судебный контроль, закон не предоставляет достаточную защиту от произвольных вмешательств и не позволяет лицу определить свое поведение и с достаточной ясностью предвидеть применение мер пресечения. Учитывая вышеизложенное, Конституционный суд заключает, что положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса не проходят проверку на качество

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

закона. Они противоречат статье 25 в сочетании со статьей 23 ч. (2) Конституции и, следовательно, являются неконституционными.

63. Конституционный суд отмечает, что, согласно ч. (5) статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса, временное освобождение под судебный контроль и временное освобождение под залог являются **мерами пресечения, альтернативными аресту, и могут быть применены только к лицу, в отношении которого заявлено ходатайство об аресте, либо к обвиняемому, подсудимому, уже подвергнутому аресту.**

64. Конституционный суд отмечает, что судебная инстанция в ходе применения временного освобождения под судебный контроль должна по своему внутреннему убеждению оценить, если существуют или сохраняются условия, по которым запрашивалось применение ареста.

65. В то же время, Конституционный суд отмечает, что ч. (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса регулирует случаи, при которых временное освобождение под залог не применяется, ссылаясь на обстоятельства, установленные в ч. (2) статьи 191 того же кодекса – «в случае, если имеются сведения о том, что он может совершить другое преступление либо попытается оказать воздействие на свидетелей, или уничтожить средства доказывания, или скрыться от органов уголовного преследования, прокурора или, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанции».

66. Хотя автор обращения не указал положения ч. (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный суд заключает, что они находятся в прямой взаимосвязи с оспариваемыми положениями. Во имя осуществления принципа суверенности Конституционного суда в области конституционного контроля и в порядке статьи 6 ч. (3) Кодекса конституционной юрисдикции, Конституционный суд может вынести постановление и в отношении других нормативных актов, конституционность которых полностью или частично зависит от конституционности оспариваемого акта. В связи с этим, несмотря на то, что автор в своем обращении не указал эти положения, Конституционный суд заключает, что они непосредственно связаны с оспариваемыми положениями, поэтому он расширяет пределы контроля конституционности и в отношении них (см., *mutatis mutandis*, ПКС № 41 от 7 декабря 2000 года, § 4; ПКС № 9 от 30 марта 2004 года, § 9; ПКС № 20 от 30 ноября 2006 года, § 3; ПКС № 3 от 23 февраля 2016 года, § 46; ПКС № 30 от 1 ноября 2016 года, § 46; ПКС № 10 от 8 мая 2018 года, § 31; ПКС № 21 от 3 октября 2019 года, § 23; ПКС № 3 от 4 февраля 2020 года, § 26).

67. Таким образом, Конституционный суд отмечает, что, принимая во внимание необходимость единообразного применения норм, касающихся мер пресечения, во внутреннем законодательстве в целом, положения ч. (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающие решение, аналогичное оспариваемому, являются неконституционными.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 191 Ч. (2) УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

По этим основаниям, руководствуясь положениями статей 135 ч. (1) п.а) и п. г) и 140 Конституции, статьи 26 Закона о Конституционном суде, статей 6, 61, 62 п. а) и п. е), 68 Кодекса конституционной юрисдикции,

Конституционный суд

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. *Признать обоснованным* обращение об исключительном случае неконституционности, заявленном по инициативе судьи в суде Кишинэу, сектор Чокана, Виктора Санду в деле № 17-262/19.

2. *Признать неконституционными* часть (2) статьи 191 и часть (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса.

3. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «*Monitorul Oficial al Republicii Moldova*».

Председатель

Домника МАНОЛЕ

*Кишинэу, 28 мая 2020 года
ПКС № 15
Дело № 196g/2019г.*